

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

Интертекстуальные связи в романе А. И. Солженицына «В круге первом»

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 411 группы
направления 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Петюкиной Дарьи Сергеевны

Научный руководитель
профессор, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

Зав. кафедрой

зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

Л.Е. Герасимова

инициалы, фамилия

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2022 год

В процессе чтения романа А. И. Солженицына «В круге первом» можно заметить, что текст насквозь пронизан интертекстуальными связями, представленными многочисленными цитатами из произведений классической русской и зарубежной литературы, аллюзиями, образами, заимствованными из образцов мировой классики. Само название романа представляет собой не что иное, как аллюзию на «Божественную комедию» Данте Алигьери, что привносит в чтение романа новые, ключевые для его понимания смыслы.

Многие исследователи при изучении романа А. И. Солженицына «В круге первом» обратили внимание на тяготение автора к диалогу с предшественниками с целью оценить современность. Наиболее авторитетными исследованиями для нас являются статьи А.С. Немзера, посвященные творчеству писателя, диссертация Е. В. Белопольской, работы французского исследователя Ж. Нива, труды М.М. Голубкова. Также мы будем опираться в своем исследовании на теоретические работы Ю. Кристевой, Р. Барта, Н. Пьеге-Гро, т.к. в их работах наиболее всесторонне исследована интертекстуальность как литературный прием.

Для понимания поэтики романов Солженицына мы обратились к книге А.С. Немзера «Проза Александра Солженицына: опыт прочтения», в которой исследователь анализирует творчество писателя. В рамках нашего исследования наиболее ценными были работы ученого и критика, посвященные роману «В круге первом», среди которых «Рождество и Воскресение. О романе «В круге первом», «Жизнь и Поэзия в романе «В круге первом» и «Колесо в Круге». Важным для нас является то, что А.С. Немзер, анализируя библейский и частично литературный контексты романа, отмечает стремление писателя вступить в культурный диалог.

Большой интерес в связи с изучаемой темой для нас представляет диссертация Е. В. Белопольской «Роман А. И. Солженицына "В круге первом": проблематика и поэтика», где ученый дает полный анализ романа. Она обращает внимание на то, что главное назначение интертекстов у

Солженицына реализовывается в авторской оценке современной ему эпохе. Белопольская – одна из первых исследователей, которые предпринимают попытку всесторонне рассмотреть включенные в роман интертексты и спектр функций, которые они выполняют. Анализируя литературные реминисценции в романе, исследовательница приходит к выводу, что все они подчинены задаче автора сопоставить сталинскую действительность с другими историческими эпохами с целью продемонстрировать и обнажить несовершенства тоталитарной системы.

Объектом исследования выступает роман А. И. Солженицына «В круге первом».

Предмет исследования – это интертекстуальные связи с текстами-предшественниками, их роль для реализации авторского замысла.

Целью нашего исследования является рассмотрение романа А.И. Солженицына «В круге первом» с точки зрения наличия в нем интертекстуальных связей и тех функций, которые они выполняют. В аналитической части нашего исследования мы проанализируем отдельные интертекстуальные связи с целью составить представление о функционировании интертекста в рамках художественного пространства романа.

Актуальность нашего исследования обусловлена малой изученностью феномена интертекстуальности в романе А. И. Солженицына «В круге первом». В работах, посвященных изучению творчества писателя, не представлен целостный анализ интертекстуальности как элемента поэтики Солженицына.

Исследовательская **задача**, которая стоит перед нами в работе – рассмотреть понятия интертекстуальность и интертекст с опорой на теоретические исследования литературоведов и лингвистов, изучить поэтику интертекстуальности, выделить ее типы и функции, которые она выполняет в художественном тексте, а также обнаружить все интертекстуальные связи, включенные автором в роман и путем интертекстуального анализа понять,

какие функции они выполняют в романе «В круге первом» и каким образом они расширяют его семантическое пространство.

Методология нашего исследования включает в себя интертекстуальный метод: он становится первостепенным в нашем исследовании, поскольку изучение функционирования интертекста в романе Солженицына является целью данной работы.

Кроме того, мы задействуем биографический метод. Необходимость его использования обусловлена тем фактом, что Солженицын писал роман, беря за основу собственный жизненный опыт тюремного заключения в Марфино, и не раз заявлял, что в образе Глеба Нержина он изобразил самого себя. Автобиографизм писателя в его тексте тесно связан с его размышлениями о судьбе страны.

Цель и задачи определили **структуру** выпускной работы: введение, одна глава, заключение, список использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Основная часть работы включает одну главу «"В круге первом" в круге литературы». разделенную на два параграфа.

Параграф 1.1 «Цитата как характерологическое и смыслообразующее средство» состоит из 4 подпараграфов, в которых проанализированы интертекстуальные связи романа Солженицына с такими текстами, как «Божественная комедия» Данте, «Фауст» И. В. Гете, «Слово о полку Игореве» и лирика С. А. Есенина.

Параграф 1.2 «Аллюзия как оценочно-характеризующее средство» состоит из двух подпараграфов, в центре которых «Красный цветок» В. М. Гаршина и «Девяносто третий год» В. М. Гюго.

Выбор интертекстуальных связей обусловлен тем, что все они необходимы автору для того, чтобы через призму многовекового опыта прошлого дать оценку современной эпохе, описать лагерный быт. Отсылка к Данте задает параллель тюрьмы с адом и его кругами, ключевую для всего романа. Обращаясь к «Слову о полку Игореве», Солженицын дает свою оценку советскому государству с точки зрения безнравственности и несправедливости его политики. Ссылаясь на образ красного цветка Гаршина, писатель продолжает эту тему, но при этом развивает другую – тему правды, честности, духовной свободы. Есенинские реминисценции расширяют тему судьбы России.

В ходе анализа романа мы обнаружили, что Солженицын вводит в художественное пространство текста два типа интертекстуальной связи – это цитата и аллюзия. Цитаты помогают писателю не только представить панораму эпохи сквозь призму опыта прошлого, но и передать настроение персонажей и образ их мышления, раскрыть их принадлежность определенной социальной среде, иными словами, сделать их образы более объемными. Цитирование литературных произведений встречается исключительно в речи тех персонажей, которые симпатизируют автору и

являются выразителями его собственных убеждений. Герои цитируют такие памятники литературы, как «Божественная комедия» Данте, «Фауст» И. В. Гете, «Слово о полку Игореве», стихотворения С. А. Есенина «Русь советская», «Я последний поэт деревни...» и «Мне осталась одна забава...».

Дантовская концепция ада играет важнейшую роль в замысле романа Солженицына, именно на ней строится представление Солженицына о ГУЛАГе. Через интертекстуальные отсылки к другим произведениям мировой литературы (не только к «Божественной комедии») писатель стремится не только описать сталинские лагеря, их быт и нравы, но и сопоставить разные эпохи, чтобы дать оценку современности через опыт прошлого.

Вводя в художественное пространство романа фаустовский код, Солженицын задает другое прочтение советской действительности. Идея о переустройстве мира и человека – идея, в которой Фауст обрел смысл жизни, и этот смысл настолько велик и значим, что оправдывает любые средства. Солженицын изображает советский строй как претворение в жизнь фаустовского рая, который в действительности оборачивается адом, что прекрасно понимает Нержин, предпочитая шить сапоги в тайге, и упорно не замечает Рубин.

Примечательно цитирование «Слова о полку Игореве», потребность в котором была обусловлена главной функцией интертекстуальности в романе – сопоставлением эпох, авторской оценкой современности сквозь призму опыта прошлого. В таком ключе представлена инсценировка суда над князем Игорем. В этот эпизод, как нам кажется, включается элемент карнавала. Как утверждает М. М. Бахтин, для карнавала характерны логика «обратности», «непрестанных перемещений верха и низа, лица и зада» и «разнообразные виды пародий и травестий, снижений, профанаций, шутовских увенчаний и развенчаний». Картина переворачивается, и в роли судей уже осужденные, иронизирующие над устройством современного суда. Через карнавализацию автор показывает абсурдность и несправедливость советского

судопроизводства, которое дискредитирует общечеловеческие ценности – мораль, нравственность, свободу выбора.

Связь с поэзией С. А. Есенина обнаруживается в 44 главе романа, которая носит символическое название в свете есенинских мотивов – «На просторе». В «Круге-87» этой главы не было, Солженицын добавил ее в окончательную редакцию. Ж. Нива утверждает, что она имеет смыслообразующее значение для поэтики всего романа и в ней обозначен мотив, важный для всего творчества Солженицына – гибель подлинной, крестьянской России с ее простором не только физическим, но и внутренним (духовным). Важно, что это лейтмотив творчества Есенина.

Таким образом, цитата функционирует в романе Солженицына как инструмент оценивания современной действительности, характеристики персонажей и утверждения их этических идеалов и убеждений. Обращение к текстам-предшественникам позволяет писателю дать собственное представление об эпохе через призму многовекового опыта прошлого.

Аллюзия – второй тип интертекстуальной связи, которую Солженицын вводит в семантическую канву романа. В ходе анализа мы обнаружили, что аллюзия вкрапляется в роман в речи автора и подчинена его задаче всесторонне рассмотреть советскую действительность и дать ей оценку с позиции прошлого. Аллюзии – характерный элемент поэтики Солженицына. Автор активно вводит их повествование, тем самым расширяя его, обогащая и увеличивая эстетическую и смысловую нагрузку.

Само название романа представляет собой не что иное, как аллюзию на Данте и его «Божественную комедию». Дантовская аллюзия определяет проблематику романа «В круге первом», изображая систему сталинских лагерей как систему кругов ада. Эта параллель продолжается в других аллюзивных единицах.

При повторном прочтении романа мы обратили внимание на еще неисследованную и неосвещенную в литературоведческих трудах аллюзию на рассказ В. М. Гаршина «Красный цветок». Образ красного цветка впервые

использован автором в поэме «Дороженька», которую он писал с 1947 по 1952 годы, находясь в тюремном заключении, а затем появляется и в рамках повествования романа.

Вводя отсылку к рассказу Гаршина, Солженицын художественно расширяет представление об аде, который задается интертекстуальной связью с «Божественной комедией» Данте, которая уже была проанализирована нами в этой работе. Примечательно и название главы – «Да оставит надежду входящий», которое снова указывает на дантовскую концепцию. Помимо того, что за счет этой отсылки усложняется образ ада, которым писатель характеризует государство и его политику, происходит еще и пересечение двух интертекстуальных пластов, что усиливает безнравственность и жестокость правительства за счет контаминации дантовской концепции ада и образа красного цветка, в котором сокрыто вселенское зло.

Таким образом, аллюзия на рассказ В. Гаршина является одной из смыслообразующих в романе «В круге первом». Ссылаясь на своего предшественника, Солженицын не только дает оценку исторической эпохе, но и поднимает проблему свободы выбора в романе.

В качестве оценочно-характеризующего средства в романе появляется аллюзия на роман Виктора Гюго «Девяносто третий год». Солженицын вводит ее в повествование в момент размышлений Глеба Нержина о своем предназначении в жизни. Ссылаясь на Гюго, Солженицын расширяет масштаб повествования: автор дает оценку сталинской эпохе и характеризует персонажа с точки зрения его отношения к исторической действительности, частью которой он является. Лантенак и Нержин – герои непохожие, однако есть то, что их объединяет, – недовольство текущим ходом истории. Лантенак выступает против революции, которая стремится уничтожить старый порядок с его моральными ценностями и превратить все в хаос. Нержин чувствует, что новая эпоха являет собой немой набат, в котором

заглушена истина и уничтожаются нравственные ценности. При всем желании вмешаться в ход истории герои не в силах изменить его.

В Заключении подводятся итоги проделанного исследования.

Многочисленные отсылки к текстам предшественников – одна из характерных черт прозы А. И. Солженицына. С их помощью он не только дает панораму лагерного быта и советской действительности, но и оценивает ее с точки зрения опыта прошлого, утверждает свои этические приоритеты. Солженицын не вступает в полемику с предшественниками, а наоборот отдает предпочтение опыту прошлого с позиции нравственных ориентиров.

В ходе анализа мы обнаружили, что Солженицын использует два типа интертекстуальной связи: цитата и аллюзия. Цитата функционирует в романе Солженицына как инструмент оценивания современной действительности, характеристики персонажей и утверждения их этических идеалов и убеждений. Обращение к текстам-предшественникам позволяет писателю дать собственное представление об эпохе через призму многовекового опыта прошлого.

Цитата встречается исключительно в речи тех героев, которые симпатизируют автору. Одна из функций интертекстуальности – это характеристика персонажей, и, цитируя предшественников, они не только выражают свою позицию, но и демонстрируют уровень своего интеллекта.

На конкретных примерах мы проанализировали назначение цитаты в романе и пришли к выводу, что цитата у Солженицына выполняет две функции: характерологическую и смыслообразующую. Вкрапление цитат из текстов-предшественников способствует расширению семантического пространства романа.

Аллюзия – второй тип интертекстуальной связи, которую Солженицын вводит в семантическую канву романа. В ходе анализа мы увидели, что аллюзия вкрапляется в роман в речи автора и подчинена его задаче всесторонне рассмотреть советскую действительность и дать ей оценку с

позиции прошлого. Автор активно вводит их повествование, тем самым расширяя его, обогащая и увеличивая эстетическую и смысловую нагрузку.

Примеры литературных аллюзий встречаются в тексте нечасто, однако выполняют важные для реализации авторского замысла функции. Аллюзия на Данте задает ключевую для романа параллель с адом, которая продолжается в аллюзиях к «Фаусту» и «Красному цветку».